

УДК 343.131

**СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РЕАЛИЗАЦИИ
ПРИНЦИПА ЯЗЫКА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА
(ПО МАТЕРИАЛАМ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ)**

В. В. Самогаева

курсант 3 курса

Барнаульского юридического института МВД России

Научный руководитель: А. А. Лукьянова,

старший преподаватель кафедры уголовного процесса

Барнаульского юридического института МВД России

Поскольку язык уголовного судопроизводства выступает наиважнейшим его принципом, соответствующий законодательным требованиям юрисдикционный процесс невозможен без соблюдения предписанных ст. 19 Уголовно-процессуального кодекса (далее — УПК) Российской Федерации правил [1]. Являясь основным гарантом правового равенства вне зависимости от национальной принадлежности или употребляемого в речи языка, данный принцип должен на постоянной основе предъявлять беспристрастное освещение сути уголовного процесса, что сложно осуществить без постоянного совершенствования законодательства. И одним из методов его развития по праву можно признать сравнительный анализ с правовыми системами иных государств, в частности с правовой системой Беларуси.

При изучении первого пункта вышеупомянутой ст. 19 УПК Российской Федерации в сравнении со ст. 21 УПК Республики Беларусь необходимо отметить важную концепцию: российское процессуальное законодательство наделяет свой национальный язык определенным преимуществом над иными языками, например в аспекте обжалования судебных решений, что выражается в ведении при ревизионном производстве разбирательства исключительно на русском языке. Притом белорусское законодательство, не имея нормативного закрепления определенного языка для производства в упомянутых инстанциях, ставит вровень свой национальный язык с языком родственного государства, констатируя, что «производство по материалам и уголовному делу в Республике Беларусь ведется на белорусском и (или) русском языках» [2].

Нельзя преувеличить весомость аспекта индивидуализации личности в процессе уголовного судопроизводства, по причине чего он также может являться критерием сравнения. Оба Уголовно-процессуальных кодекса закрепляют за участниками право на получение подлежащих вручению им документов

в переводе на родной язык или язык их свободного владения, однако российским законодательством в ч. 3 ст. 18 УПК Российской Федерации сделан акцент на «соответствующем участнике», когда УПК Республики Беларусь констатирует о подозреваемом, обвиняемом и других участниках как о лицах в их совокупности, и, имея идентичный с нормативным закреплением УПК Российской Федерации смысл, может быть несколько по-иному лингвистически воспринят при изучении.

Анализ содержания уголовного законодательства России и Беларуси в части реализации принципа языка уголовного судопроизводства позволяет заострить внимание на могущих показаться несущественными различиях в понимании и законодательном закреплении данного принципа в двух этих системах. Детальное рассмотрение во многом открывает глаза на существующие особенности той и другой модели судопроизводства при очевидной сопоставимости их во многих аспектах.

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 18 дек. 2001 г., № 174-ФЗ : принят Гос. Думой 22 нояб. 2001 г. : одобр. Советом Федерации 5 дек. 2001 г. : в ред. от 29.12.2022 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)